

О ГЕНЕЗИСЕ ПОЛИАДРЕСОВАННОСТИ В ТЕКСТАХ ЭПИТАФИЙ

Текстообразующая категория адресованности в эпитафических текстах может проявляться в своей особой разновидности, а именно в виде полиадресованности, для которой характерна адресатная и адресантная вариативность. В статье предпринимается попытка выявить и проанализировать наиболее распространенные виды полиадресованности в текстах эпитафий (на примере античной латинской эпитафии), а именно (1) полиадресатные эпитафии, где в качестве адресата выступают боги Маны (иногда имплицитно) и сам погребенный, а адресантом являются друзья и родственники погребенного; (2) полиадресантные эпитафии, где адресантом являются не только друзья и родственники, устанавливающие памятник и составляющие текст эпитафии, но и сам погребенный; а также (3) комплексные эпитафии, для которых характерна и адресатная, и адресантная множественность.

E. Arutyunyan

ON THE GENESIS OF THE POLY-ADDRESS TEXT CATEGORY IN EPITAPHS

The article introduces an attempt to reveal and analyse the most widespread types of the poly-address text category in epitaphs (based on the ancient Latin texts), namely (1) poly-addressee epitaphs with the gods of Manes and the buried presented as addressees (sometimes only implied in the text) and the friends and relatives of the buried as addressers; (2) poly-addresser epitaphs with not only friends and relatives but the buried as well placed as addressers; (3) complex epitaphs that can be characterised by the addressee and addresser plurality.

Характер функционирования текстов эпитафий, predeterminedенный древними погребальными ритуалами, которые совершались на границе двух миров – сакрального мира богов и профанного мира людей (живых и усопших) и были направлены *urbī et orbī*, другими сло-

вами, обеим «аудиториям», проявляется в самом тексте в виде полиадресованности, т. е. адресатной или адресантной вариативности. В рамках этой статьи попытаемся выявить основные виды полиадресованности (особой формы текстообразующей категории адресо-

ванности) и их языковое выражение в текстах эпитафий.

Тексты эпитафий не всегда рассматривались как сообщения, направленные внешнему миру и предназначенные для прочтения. Наиболее известные могильные плиты с надписями, выполненными старшим футарком, датируемыми V и VII вв., были обнаружены закрытыми в могилу текстом вниз (Кюльвер, остров Готлиб; Эггья, западная Норвегия). Такие тексты являлись частью ритуала, совершаемого при захоронении, его экспрессивным элементом, подчеркиванием его содержания. Скорее всего, они исполняли роль оберега могилы или являлись средством удержания умершего от возможного возвращения с того света.

Эти тексты интересны еще и тем, что они олицетворяли собой новый «вербальный» этап в эволюции ритуала, по сравнению с более архаичным периодом его развития, когда вербальная часть выполняла незначительную, вторичную роль и выступала лишь как «сноска или комментарий, своего рода «просодическая» подсистема, присоединяемая к основной («невербальной») системе» [5, с. 499]. Тем не менее прежнее табуирование вербализации ритуала присутствует и здесь, преломляясь в недоступность текста для прочтения людьми, его сокрытость, сокровенность. Таким образом, текст на могильной плите, табуированный для прочтения, усиливал сакральный характер ритуала и олицетворял собой границу между сакральным и профанным мирами.

Категория адресованности в таких текстах проявлялась имплицитно в посвящении ритуала богам, обращенности к сверхъестественным силам, в наложении запретов (например, обнажать могильный камень при ущербной луне, вынимать его из могилы и т. д. [4, с. 300]).

Постепенное усиление значимости «вербальной» части ритуала нашло выражение в тексте эпитафий в фиксировании его сакрального адресата. Так, начиная с I в. до н. э. тексты латинских (римских) эпитафий приняли форму посвячительных надписей богам загробного мира Манама с просьбой даровать покойному загробное блаженство. Обязательным элементом текста таких эпитафий являлось об-

ращение к Манама, которое приняло вид устойчивых адресатных формул — «dis Manibus» («богам Манама»), «dis Manibus sacrum» («посвящено богам Манама») или «dis Manibus vivus fecit» («богам Манама при жизни сделал»). Эти формулы либо открывали текст эпитафии, либо прерывали ее повествование, усиливая сакральный характер эпитафии. Позднее эти адресатные формулы, чаще всего встречающиеся в виде сиглей* DM, DMS и DMVF, получили христианскую интерпретацию в виде DM «Deo Maximo» («высшему Богу») и DOM «Deo Optimo Maximo» («Богу всеблагому и высшему»). Устойчивость и формульная жесткость данных маркеров категории адресованности, зафиксированные также в виде аббревиатур отражали стремление ритуала к упорядочению, «которое было достигнуто в акте творения и должно достигаться снова и снова в акте ритуала» [5, с. 505].

Наряду с обращением к богам или к Богу, категория адресованности в текстах эпитафий также проявлялась в обращении родственников и друзей к умершему и в обращении умершего к живым. Проследим возможные варианты функционирования полиадресованности в текстах на примерах латинской (римской) эпитафии, обращение к которой обусловлено несколькими факторами.

Античный латинский эпитафический текст интересен в первую очередь тем, что представляет собой иллюстрацию неминуемого движения в развитии текстов эпитафий от сакрального (наиболее закрытого) к профанному (наиболее доступному). Высокий процент грамотности римского общества в целом, вне зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе, способствовал широкому распространению текстов эпитафий на латинском языке, а также их социальному и жанровому многообразию. В то же время, латинская эпитафия жестко регламентировала принципы построения эпитафического текста, которые легли в основу построения текстов более позднего периода, в частности английской эпитафии.

В развитии эпитафического текста намечался качественно новый период; акцент в нем ставился на оппозиции к его «высоким» и «зак-

рытым» формам, когда владение графическим искусством являлось привилегией определенного социального слоя, например жрецов и позиционировалось как тайное божественное знание – символ мудрости и магической власти. «Героем» же таких надписей чаще всего был сам ритуал, поскольку древнейшие эпитафические тексты содержали не обязательно имя погребенного, но имя человека, выполнившего надпись и ожидавшего от своих сакральных действий особенного результата.

Античная латинская эпитафия характеризуется вульгаризацией и «понижением» сакрального героя. Несмотря на то, что эксплицитное обращение к богам является обязательной формулой посвячительных эпитафических текстов и сопряженного с ними ритуала, акцент смещается в сторону самого погребенного. Текст эпитафии повествует о погребенном (часто в избыточной форме), наиболее распространенными маркерами адресованности являются либо обращение родных и друзей к погребенному, либо обращение погребенного к друзьям и родным.

Обращение живых к погребенному также оформляется в виде сиглей, содержащих шаблонные адресатные формулы, например MS «Memoriae Sacrum» («посвящено памяти»). Эта аббревиатура, скорее всего, является «светской» разновидностью ранее приведенного сигля D M S «dis Manibus sacrum» («посвящено богам Манам») и наиболее ярко иллюстрирует процесс «десакрализации» героя в эпитафических текстах. Необходимо также отметить, что данный шаблон сохраняется в английских эпитафических текстах не только в своем первоначальном виде (MS или в его полном английском варианте «sacred to the memory of»), но и во множестве вариантов («in memory of», «in loving memory of», «in loving remembrance of», «to the memory of», «in joyous memory of»).

Доступность латыни широким слоям населения «служила той основой, которая обеспечивала лаконичность, простоту, ясность, понятность и устойчивость» эпитафического текста, что также способствовало движению десакрализации [6, с. 15].

В надгробной надписи императорского раба Феликса категория полиадресованности проявляется в виде адресатной вариативности при моноадресанте, которым являются викарии (помощники) погребенного**.

(1) D(is) M(anibus) S(acrum). Felic(i), dispens(atori) arce (=arcae) patrimon(ii), vikari (=vicarii) Primitius, Clemens, Parthenius, Pamphilus, Fortunatus fecerunt b(ene) m(erenti). H(ic) s(itus) e(st). S(it) t(ibi) t(erra) l(evis).

«Посвящено богам Манам. Феликсу, диспенсатору кассы патримония, достойно заслужившему, поставили (памятник) викарии Примитий, Клемент, Парфений, Памфил и Фортунат. Здесь он покоится. Да будет тебе земля легка!»

Адресатами текста выступают боги Маны, посвящением которым открывается весь текст, и сам погребенный. Общеизвестные формулы, характерные для эпитафических текстов, представлены в данном тексте в виде сиглей – D M S («посвящено богам Манам»), V M («достойному (соорудили памятник)»), H S E («здесь погребен»), S T T L («да будет тебе земля легка»). Наличие сокращений в тексте определялось не только стремлением к экономии дорогостоящего материала, сил мастера, общедоступностью скрытого за ними смысла, но и стремлением эпитафического текста к максимальной строгости построения, упорядочению, посредством множества формул. Таким образом, один из адресатов предстает в тексте в виде устойчивой формулы, служащей типологическим маркером надписи – посвящения. Акцент же в эпитафии смещен в сторону самого погребенного: три из четырех сиглей относятся к нему, обращением к нему открывается основной информационный блок текста – упоминается его имя, род деятельности, а также коллеги, которые устанавливают памятник и составляют текст надгробной надписи. При этом нельзя не отметить определенную информационную избыточность (имена всех пяти викариев приводятся в текста полностью), продиктованную сакральным характером данных текстов: издревле написание имен (погребенного и того, кто делал надпись) являлось частью

ритуала, от которого ожидали особых сакральных результатов.

Обращение к погребенному оформляется также посредством этикетных формул приветствия и прощания.

(2) Ave, Sexti Iucunde! Vale, Sexti Iucunde.

«Здравствуй, Секстий Юкунд! Прощай, Секстий Юкунд!»

(3) Prosdocionis ossa hic sita sunt, vixit ann(os) 25 sine contumelia; dat donum Horestes bene merenti coniugi suae. Have (=Ave)! Num quid vis? Vale!

«Здесь покоится прах Просдоционы; прожила 25 лет без горя; достойно заслужившей супруге своей принес в дар Горест. Здравствуй! Разве ты чего-нибудь хочешь? Прощай!»

Формульность данного эпитафического текста реализуется на синтаксическом и фонетическом уровнях, благодаря синтаксическому и ритмическому параллелизму: Ave, N! Vale, N, где N – имя погребенного, которое в некоторых случаях может опускаться. Явление параллелизма и повторов в целом характерно для ритуально-магических и заклинательных текстов и характеризуются, в особенности последние, как «древнейшая черта фольклора, связанная в генезисе с наличием ритма и с верой в магическую силу слова» [3, с. 19]. Наличие повторов в эпитафических текстах содержат отголоски ритуала и связано «с убежденностью древних народов в том, что надлежащим образом произнесенное и начертанное слово обладает магической энергией» [2, с. 60]. Несмотря на опущенное посвящение богам (в первом случае, скорее всего, для сохранения параллелизма) на вербальном уровне, оно присутствует имплицитно, поэтому вышеприведенный текст также является полиадресатным.

Акцентирование эпитафического текста на погребенном проявляется в неоднократном обращении к нему. Так, в достаточно небольшом по размеру тексте эпитафии Луция Ария Гората Эвтихета, погребенный упоминается четыре раза.

(4) Argentī, have (=ave)! D(is) M(anibus). L(ucio) Arrio Horato Eutyheti Acilia Carnus

coiugi (coniugi) de se b(ene) m(erito) f(ecit). Argentī, tu nobis bibes!

«Аргент, здравствуй! Богам Манам. Луцию Арию Горату Эвтихету Ацилия Карнута супругу, достойно заслужившему сделала (надгробие). Аргент, ты будешь пить вместе с нами».

Адресат представлен в данном полиадресатном эпитафическом тексте в виде целого комплекса, доминирующего над остальным текстом и формирующего его. Текст начинается и заканчивается с обращения к умершему его неполным именем, скорее всего используемым при жизни в интимном кругу его родных и друзей – Аргент. При этом начальное обращение оформляется этикетной ситуацией приветствия и связанным с этой ситуацией пожеланием здоровья и благополучия, а финальное – заверением в продолжении для умершего праздника жизни в кругу родных и близких. Использование имени, характерного для наиболее неформальных ситуаций при жизни погребенного, этикетная ситуация приветствия как зачина текста эпитафии, а также приглашение продолжить непрекращающийся пир жизни в конце текста создают особый жизнеутверждающий эмоциональный контекст, противоположный предсказуемым в рамках эпитафического текста трагизму, тоске, безысходности. Текст строится на психологическом и стилевом противопоставлении. Внутри «интимной» рамочной адресатной конструкции заключается более формальный текст как дань строгости построения эпитафических текстов и торжественности самой ситуации, а именно посвящение богам Манам, а также посвящение надгробного памятника и эпитафии самому погребенному. При этом адресат оформляется уже официальным именем умершего – Лиций Аррий Горат Эвтихет, подчеркивающим его высокий социальный статус. Еще раз погребенный упоминается через уточнение его семейного статуса положения как супруга Ацилии Карнуты, которая и является автором данного эпитафического текста. Таким образом, обращение к погребенному является не только одним из маркеров категории адресованности в тексте, но и доминирующим фактором текстообразования.

До сих пор в качестве примера использовались эпитафические тексты, адресантом которых выступают родные и близкие погребенного, а адресат проявляется в виде комплекса обращений (боги Маны и умерший). Рассмотрим ситуации, когда адресантом может выступать сам погребенный, и в этом случае его слова звучат в реальном времени, но являются характеристикой «нереальной ситуации» – погребенный обращается к живым уже после своей смерти. По пронзительности тона, его обращение переключается со 129 Псалмом: “De profundis clamavi ad te Domine: Domine, exaudi vocem meam.” / “Из глубины (сердца) я воззвал к Тебе, Господи: Господи, услышь голос мой!” При этом в эпитафическом тексте адресантом могут выступать не только Бог (или боги), но и родные, друзья, случайные прохожие, а также последнее убежище умершего – камень, склеп, как например, в эпитафии Гая Юлия Мигдония:

(5) C (= Gaius) Iul(ius) Mygdonius, generi Parthus, natus ingenuus, capt(us) pubis (=pubes) aetate, dat(us) in terra(m) Romana(m): qui dum factus cives R(omanus) iuventa (=iuvante) fato, colocavi (=collocavit) arkam (=arcam), dum esse(t) annor(um) 50. Peti (=petii) usque a pubertate senectae meae (=ad senectam meam) pervenire; **nunc recipe me, saxe, libens; tecum cura solutus ero.**

«Гай Юлий Мигдоний, родом парфянин, рожден свободным, захвачен в плен во взрослом возрасте, привезен на римскую территорию; он, когда с помощью счастливой судьбы сделался римским гражданином, соорудил гробницу, имея 50 лет от роду. Я старался пройти (весь путь жизни) от зрелости до старости; **теперь прими меня, камень, охотно; с тобою я буду свободен от заботы».**

Для текстов, где адресантом становится сам погребенный характерно использование местоимения первого лица единственного числа, что по сравнению с ранее приведенными примерами, где дейктическими указателями погребенного являлись личные местоимения 2-го и 3-го лица единственного числа, придает эпитафическому тексту максимально персонифицированный и интимный характер.

(6) Antipatra dulcis tua hic so (= sum) et non so (=sum).

«Сладостная твоя Антипатра, я здесь и нет меня здесь».

Пронзительная эмоциональность обращения умершей к своему возлюбленному или супругу обеспечивается в вышеприведенном эпитафическом тексте целым комплексом средств, формирующих категорию адресованности. Текст эпитафии формируется двумя блоками, легко выделяемыми благодаря трогательному лиризму первого, и строгой формулярности второго. Начальный блок текста – “Antipatra dulcis tua” – выполняет не только номинативную роль, а именно, содержит имя погребенной, но и роль посвящения, адресантом которого выступает ее возлюбленный – “сладостная твоя”, то есть тебе. Особый интимный характер и реальность ситуации создается возможным заимствованием данного текста из фрагмента разговора между женщиной и женщиной, скорее всего, именно так он обращался к ней при жизни, или письма, в котором она подписывалась именно таким образом. Несмотря на использование формулы во второй части эпитафии как необходимого условия построения эпитафического текста – *hic so (=sum) et non so (=sum)*, появление в ней глагола в 1-м лице единственного числа, а также морфологический параллелизм *твоя – я есть* направлены на поддержание максимально интимного характера текста, заданного первой его частью.

Графическая презентация формулы *hic so (=sum) et non so (=sum)*, а именно строгое соответствие количества слов/букв в первой части количеству слов/букв во второй, обеспечивает не только наиболее гармоничное размещение текста на камне, но и придает ему необходимый ритм. Эффект зеркальности достигается также благодаря морфологическому повтору (*so = sum*). Таким образом, именно присутствие графического, фонетического и синтаксического параллелизмов придает данной фразе статус формулы эпитафического текста, характерными чертами которой являются предельная завершенность и целост-

ность, транслирующаяся впоследствии на весь текст эпитафии.

Несмотря на вербальное присутствие только одного адресанта (погребенной) в тексте, данный эпитафический текст является полиадресантным, поскольку в ситуации также присутствуют (имплицитно) родственники, друзья или супруг погребенной – те, кто устанавливал памятник в память о погребенной и составлял текст эпитафии.

Наиболее комплексное проявление полиадресованности в эпитафических текстах обеспечивается адресатной и адресантной множественностью в рамках одного текста.

(7) *D(is) M(anibus) s(acrum). Aureliae Vercellae, coniugi dulcissimae, quae vixit plus minus annis 17. Non fui, fui, non sum, non desidero. Anthimus, maritus eius.*

«Посвящено богам Манам. Аврелии Верцелле, дражайшей супруге, которая прожила не более и не менее, чем 17 лет. Я не была. Я была. Нет меня. Нет у меня желаний. Антим, ее муж».

Адресатами вышеприведенного текста эпитафии являются боги Маны, посвящением которым открывается текст, и сама погребенная – Аврелия Верцелла. При этом адресантом выступает супруг умершей, устанавливающий в ее честь памятник и являющийся автором эпитафии. Посвящение богам, представленное в тексте в виде сиглы D M S, играет, скорее всего, роль необходимого, но формального маркера категории адресованности текста эпитафии. В то время, как основная текстообразующая роль отведена именно блоку обращения к погребенной. Данный эпитафический текст выстраивается вдоль вектора *Aureliae Vercellae, coniugi dulcissimae* → *Anthimus, maritus eius*; адресат рифмуется с адресантом, статус супругов, подчеркивающийся дважды в тексте (*дражайшей супруге – ее муж*), придает тексту определенный параллелизм, несмотря на информационную избыточность. Данная избыточность в блоке «адресант» (*ее муж*) усиливает фактор общей направленности текста на погребенную. Повествование о возрасте умершей внезапно прерывается обращением самой погребенной

к миру живых, таким образом, формируя еще один источник текста, т. е. еще один адресант. Вектор категории адресованности *супруг* → *богам и супруге* прерывается вектором *супруга* → *миру живых*. При этом, несмотря на кажущуюся интимность сообщения, текст обращения погребенной представлен в виде очередной формулы эпитафического текста и, таким образом, характеризуется редуцированностью адресатной направленности: *Non fui, fui, non sum, non desidero* (*Я не была, я была, нет меня, нет у меня желаний*). Редуцированность данного обращения также обеспечивается отсутствием специально маркированного адресата.

Однако в ситуации, когда в роли адресанта или одним из адресантов выступает сам погребенный, адресат чаще всего присутствует в тексте эпитафии. Обращение погребенного к прохожему (-им), путнику (-кам), страннику (-кам) (*лат. viator/viatores; praeteriens*), читателю (-лям) эпитафии (*лат. tu, qui legis; lector*) стало одним из наиболее устойчивых шаблонов эпитафического латинского текста^{***}, нашедшего свое дальнейшее развитие в классической эпитафии многих европейских стран, включая английскую эпитафию (*англ. passenger, stranger, passer-by, reader*).

Присутствие семы 'пути' (*путник, странник, прохожий*) в эпитафическом тексте не отвлеченно и продиктовано в первую очередь тем, что 'путь' издревле ассоциировался со смертью, дорогой в преисподнюю. Погребенный, олицетворяя собой 'вечного путника', апеллирует к живущим, выбирая адресатные формулы *путник, странник, прохожий*, зеркально отражающие его собственное состояние, но по другую сторону бытия.

Обращение погребенного к живым, как правило, строится по формуле: N + последняя воля умершего, оформленная в виде определенной этикетной ситуации (просьбы, извинения, пожелания, прощания, угрозы и т. д.), где N – *путник, странник, прохожий, читатель*.

Таким образом, обращение погребенного может заключать в себе просьбу «не оставлять заботами отца и мать» погребенного, а также извинения за возможное зло, причиненное им при жизни, как в эпитафии раба Виталиса:

(8) Vitalis, C(=Gaii) Lavi(i) Fausti ser(vus), idem f(ilius), verna domo natus, hic situs est, vixit annos 16, institor tabernas Aprianas, a populo acceptus, idem ab dibus (=deis, dis) ereptus. *Rogo vos, viatores, si quid minus dedi mesura (=mensuram), ut patri meo adicere(m), ignoscatis. Rogo per superos et inferos, ut patrem et matre(m) commendatos abeatís (=habeatis). Et vale(te).*

«Виталис, раб Гая Лавия Фауста, а также сын, в качестве раба рожденный в доме, здесь покоится, прожил 16 лет; был приставлен к Априанской таверне, людьми был (хорошо) принят, но был богами похищен. *Прошу вас, путники, извините меня, если я вас обвесил, чтобы приумножить состояние моего отца. Заклинаю вас богами всевышними и подземными, не оставьте заботами отца и мать. И прощайте*».

- мольбу «пощадить надгробный памятник»:

(9) Domnaedius (=domine aedium), possessor, colonus (=colone) sequens, et **tu, viator, precor, parce tumulum Narcissi.**

«Хозяин дома, владелец, наследовавший мне колон, и **ты, путник, молю, пощади могильный холм Нарцисса**».

- пожелание здоровья живым и просьбу не забывать навещать могилу:

(10) Statae, (=feminae) l(ibertae), Antiochini(ae) C(=Gaius) Gavius, C(=Gaii) f(ilius), Quadratus, vir, Gavia, C(=Gaii) et Antiochin(iae) [f(ilia)], Tertula, C(=Gaius) Gavius, C(=Gaii) l(ibertus), Idonius cum sui[s], qui caliculis, lana, pelliculis vitam toleravit suam. **[Tu, qui] legis, vale et, cum voles, [ve]nito.**

«Стации Антиохинии, вольноотпущеннице женщины, Гай Гавий Квадрат, сын Гая, муж, Гавия Тертула, дочь Гая и Антиохинии, Гай Гавий Идоний, вольноотпущенник Гая, со своими близкими, который поддерживал свое существование бокальчиками, шерстью, шкурками. **Ты, который читаешь (эту надпись), будь здоров и, когда захочешь, приходи**».

- просьбу молиться о загробном блаженстве и покое усопшего:

(12) L(ucius) Antonius, C(=Gaii) f(ilius), Gal(eria tribu), Antullus, sacerdos, homo optimus (=optimus), h(ic) s(itus) e(st), s(it) t(ibi) t(erra) l(evis). *Te rogo, praeteriens, cum legis, ut dicas: sit tibi t(erra) l(evis).*

«Луций Антоний Антулл, сын Гая, из Галериевой трибы, жрец, человек превосходный, здесь погребен, да будет тебе земля легка! *Прошу тебя, прохожий, чтобы, когда будешь читать, ты сказал: «Да будет тебе земля легка!»*».

- угрозы и проклятия осквернителям могил:

(13) ...**Hospes, ita post obitum sit tibe terra levis, ut tu hic nihil laeseris, aut si quis laeserit, nec (a) superis comprobetur, nec inferi recipient, et sit ei terra gravis.**

«...**Странник, да будет тебе после смерти земля легка, если ты здесь ничего не повредишь, а если кто причинит вред (этому надгробию), то пусть не похвалят его всевышние боги, и пусть не примут его подземные боги, и да будет ему земля тяжела...**».

(14) **Quisquis huic tutulo (=titulo) manus intulerit, sale(m) et aqua(m) desideret.**

«**Всякий, кто наложит руку на этот памятник, пусть будет жаждать соли и воды (будет лишен соли и воды)**».

(15) Dis Man(ibus). C(=Gaius) Tullius Hesper aram fecit sibi, ubi ossa sua coiciantur. **Qua(m) si quis violaverit aut inde exemerit, opto ei, ut cum dolore corporis longo tempore vivat et cum mortuus fuerit, inferi eum non recipient.**

«Богам Манам. Гай Туллий Геспер соорудил себе погребальный жертвенник, куда будет помещен его прах. **Если кто-нибудь его повредит или извлечет оттуда (прах), я желаю ему, чтобы он, страдая телом, жил долго, а когда умрет, то пусть не примут его подземные боги**».

Таким образом, текстообразующая категория адресованности в эпитафических текстах может проявляться в своей особой разновидности, а именно в виде *полиадресованности*, для которой характерна адресатная и адресантная вариативность. Среди наиболее распространенных видов полиадресованности в текстах эпитафий (на примере античной

латинской эпитафии) встречаются (1) *полиадресатные эпитафии*, где в качестве адресата выступают боги Маны (иногда имплицитно) и сам погребенный, а адресантом являются друзья и родственники погребенного; (2) *полиадресантные эпитафии*, где адресан-

том являются не только друзья и родственники, устанавливающие памятник и составляющие текст эпитафии, но и сам погребенный; а также (3) *комплексные эпитафии*, для которых характерна и адресатная, и адресантная множественность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1982.
2. *Курчанов Н. Л.* Коррелятивный и синтетический аспекты изучения древнегерманской поэзии: Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. СПб., 1998. 133 с.
3. *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 364 с.
4. *Стеблин-Каменский М. И.* Труды по филологии. СПб., 2003. 928 с.
5. *Топоров В. Н.* Из истории петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. М.: ОГИ, 2004. 264 с.
6. *Федорова Е. В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. 256 с.
7. *Федорова Е. В.* Латинские надписи. М., 1976. 280 с.
8. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
9. *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Терра — Книжный клуб, 1998.
10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.litera.ru/stixiya/authors/delvig/proxozhij-zdes-lezhit.html
11. *Howe W. H.* Everybody's book of epitaphs. London. Saxon & Co. 1999. 192 с.
12. *Rees N.* As I told you I was sick. A grave book of curious epitaphs. W&N. 2005. 288 с.
13. *Wilson D. M.* Awful ends. The British Museum book of epitaphs. British Museum Press. 1992. 95 p.